

Добрые книги Ирины МАРТОВОЙ

Ирина Мартова

Мимолетное чудо...

Ирина Мартова

Мимолетное чудо...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50541349

Мимолетное чудо... / Ирина Мартова: Художественная литература;

Москва; 2015

ISBN 978-5-280-03674-1

Аннотация

Лиричные, трогательные, душевные рассказы Ирины Мартовой – о Любви и Доброте, Верности и Надежде, о том, чего нам всем в наше непростое время так порой не хватает.

Это попытка пробудить в сердцах читателей самые теплые, сокровенные воспоминания, родить чувства, делающие нас добрее и отзывчивее.

Содержание

Вместо предисловия	5
Милосердия ради...	6
Лапушка	6
Динка	13
Все будет хорошо...	23
Оставаться людьми	30
Случайная любовь...	38
Федька	61
И счастье будет...	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ирина Мартова

Мимолетное чудо...

Маме посвящается...

Иллюстрации художника А. Дудина

Оформление художника Т. Погудиной

© И. Мартова. Текст. 2015

© А. Дудин. Иллюстрации. 2015

© Т. Погудина. Оформление. 2015

© Издательство «Художественная литература». 2015

Вместо предисловия

Мой мир...

Добрый и нежный. Цветной, звездный, солнечный и дождливый.

Трогательный и трепетный.

Наполненный любовью и радостью.

Без злобы, без раздражения, без агрессии.

Любимые мною люди, родные и близкие...

И книги... Старые, зачитанные до дыр, потрепанные временем, и новые, пахнущие типографской краской, еще не познавшие популярности и забвения.

Мой мир – это я... Такая, какая есть...

Любите свой мир.

Будьте очень счастливы.

Ваша Ирина Мартова

Милосердия ради...

Лапушка

Сергей Ильич шагал медленно, осторожно переставляя одну ногу за другой, выбирая участки тротуара посуше и ровнее. Поставив ногу, он внимательно оглядывался вокруг, словно ища подвоха, потом задумчиво переводил взгляд на дорогу, убеждаясь, что она годится для продолжения путешествия, и только тогда неспешно оборачивался к нетвердо ступающей рядом даме и заботливо произносил:

– Давай, лапушка. Ну, ну... Потихонечку, не торопись, остороженько...

Лапушка согласно кивала и точно так же, очень медленно, с большими предосторожностями делала, сильно шаркая, шагок и опять замирала, дожидаясь очередной команды Сергея Ильича.

Так они и передвигались. Крепко держась за руки, то подпирая друг друга, то заботливо поддерживая. Сергей Ильич твердо исполнял обязанности жожака, мужчины, и, вообще, хозяина дома. Он деловито приглядывал за своей дамой, любовно поддерживал ее за локоток или ладошку, терпеливо ожидал, пока она отдышится, и ласково подбадривал:

– Лапушка, не спеши. Передохни. Постой, постой...

Так, не торопясь и не суетясь, они преодолели большую половину пути.

Когда же старики, очень уставшие, добрались, наконец, до своего подъезда, и вовсе начало смеркаться.

Их квартира, крохотная, но очень опрятная являла собой образец моды семидесятых годов прошлого века. Мебель невысокая, на ножках, светлая, уже сильно выцветшая, стояла, как и полагалось, вдоль стен. Диван-кровать и два кресла были весьма потертые, чуть продавленные и тоже очень давно потерявшие свой первоначальный цвет.

Сергей Ильич, попав в родной уголок, вздохнул с облегчением и широко улыбнулся:

– Садись, лапушка моя. Садись, переведи дух.

Лапушка, в миру Серафима Михайловна, благодарно кивнула:

– Сяду, сяду... Ишь, ноги-то как трясутся.

Она засмеялась дробным старческим смешком, словно крупный горох посыпался по сухому деревянному полу:

– Ой, Сереженька, вроде и прошли немного, а усталость так и подхватывает, так и наваливается...

Сергей Ильич нежно взглянул на свою дорогую лапушку и снисходительно кивнул:

– Ничего, ничего... А ты, Симочка, приляг, десять минут полежи – и усталость как рукой снимет.

Но Серафима Михайловна, придя домой, сразу приободрилась. Ей на улице теперь отчего-то страшновато станови-

лось: вдруг она оступится или поскользнется, или голова закружится и она упадет. Ну а дома-то, чего страшиться? Здесь она и на ощупь пройдет. Да и то сказать, ведь сколько лет они в этой квартирке живут, здесь уже и впрямь родные стены помогают!

Серафима Михайловна засуетилась. Вышла на кухню. Поставила чайник. Достала из холодильника вчерашние сырники. Ну и что ж, что холодные, зато сытные и вкусные. Одно слово – домашние!

Сергей Ильич отдыхал. Читал газету, делая это больше по привычке, чем из интереса к современному суматошному времени. Вот раньше, то ли дело... Выписывали газеты и журналы, получали вовремя, в воскресенье по утрам с удовольствием прочитывали свежую прессу за чашечкой чая. А теперь... Эх, все теперь не так! Он горестно вздохнул. Все по-другому. Или, может быть, дело совсем не во времени, а в том, что это они так постарели? Старик задумался. Да нет! Ерунда. Сергей Ильич раздраженно хмыкнул, но, вспомнив про Симочку, ушедшую на кухню, отложил в сторону газету и громко спросил чуть задрожавшим от напряжения голосом:

– Лапушка? Ты что там притихла?

Серафима Михайловна, одернув старый застиранный фартук, заулыбалась, собрав в уголочках глаз множество лучистых морщинок:

– Сейчас, миленький, сейчас соберу тебе перекусить.

День давно уже отправился отдыхать, уступив место легкой ночной прохладе и легкомысленному беспечному ветерку, который, скоренько пробежав по вершинам деревьев, тоже притих, должно быть, уснув в ожидании нового дня.

Старики, однако, еще не спали.

Вроде бы и дел особых по хозяйству не было, а все же старались не отставать от молодых. Крепились, бодрились, сустились... Вот Серафима Михайловна взялась и бельишко погладить. Сергей Ильич, заметив это, поначалу нахмурился:

– Ой, лапушка, ну, к чему это? Брось, брось... Завтра будет день, потихонечку-полегонечку и погладишь! Ну, куда, скажи на милость, нам с тобой спешить?

Он влюбленно взглянул на жену.

Ее седые реденькие волосы блестели словно только что выпавший снег, глубокие морщинки безжалостно бороздили лицо, покатые плечики ссутулились, но ему, прожившему с ней пятьдесят лет, она казалась совершенной красавицей.

Ох, лапушка!

Он прикрыл глаза...

Ну и заметной же девчонкой Симка была в молодости! Ох и хороша ж девчонка выросла! Незаметно как-то... На горе всем местным парням. Даже взрослые мужики, глядя на нее, только головами качали: «Ох, Симка! Огонь, а не девка!»

Глазищи прямо на пол-лица, так и пылали каким-то синим огнем, прожигая душу до самого доньшка. Как бывало

взглянет на парня какого-нибудь – все, пиши пропало! Сердце у того заколотится, затрепещет, впору хоть ложись и помирай! А ей, Серафиме – хоть бы что! Хохочет, руки в боки, брови как нарисованные... Эх, чудо чудное!

Жили они тогда в селе. Большом, богатом, дома в округе зажиточные, мужики да бабы работающие. Но как работать любили и умели, так и веселились от души. По вечерам за околицей отчаянно, звонко, заливисто пела гармошка, до утра звенели частушки. А какие свадьбы по осени в их селе играли! Вся округа завидовала: «Вот ведь живут! И лихо их не берет!»

Сергей вернулся из армии к ноябрьским праздникам.

Уже похолодало. По утрам морозец так прихватывал настывшую землю, что хоть гвозди забивай, но снега пока Бог не давал. Старики даже поговаривали, что зима в нынешний год будет поздняя.

Повидавшись с родней, сразу набежавшей в их дом, напарившись с братом в жарко натопленной баньке, Серега еле дождался вечера. Во-первых, многочисленная родня совсем одолела своими расспросами да объятиями, а во-вторых, уж больно ему хотелось поглядеть на подросших за время его службы сельских девчонок.

Вышли они с братом за ворота, расправили плечи, голову подняли, и пошли по селу красавцы, осеняемые вслед материнским крестом да жаркой молитвой. Ох и помнится ему тот вечер! А как же... Еще бы! Не успела заиграть гармош-

ка, как выплыла в круг Серафима – красота неопишная, и пошла, и пошла кренделя ногами выписывать, то плечом поведет, то платком взмахнет... И все! И пропал Серега сразу раз и навсегда...

Сергей Ильич вздохнул, вернувшись из далеких воспоминаний.

Серафима Михайловна, сильно ссутулившаяся, напрягая чуть дрожащие руки, уже доглаживала белье. Глаза ее давно уже плохо видели, да и очки не очень спасали, поэтому она сильно щурилась.

Сергей Ильич, переживая за ее самочувствие, решительно замахал руками:

– Лапушка, все. Ну все... Хватит. Отдохни.

Она послушно выключила утюг, потерла ноющую спину, прихрамывая подошла к мужу. Присела напротив него, подложила дрожащую ладошку под голову и задумалась.

Он ласково улыбнулся:

– Что ты, лапушка? О чем ты?

Она долго-долго глядела на его опухшие, изуродованные болезнью пальцы, совсем лысую голову, худую морщинистую шейку и тихонько вздохнула:

– Ох, миленький... Вот думаю, приберет меня Господь, как же ты жить без моего присмотра станешь? Кто о тебе позаботится?

Сергей Ильич задумался, покачивая лысой головой. Внимательно посмотрел на старушку, как-то печально ухмыль-

нулся и ласково ответил:

– Ну что ты, лапушка. Не печалься. Не бери в голову. Разве ж я жить без тебя захочу? Так, разве только денечек-другой... А потом лягу и усну. Навсегда. Разве я могу лапушка, тебя отпустить?

Они дружно засмеялись. Потом прослезились...

В их смехе не было радости. А в слезах не было печали. Это было счастье.

Простое, незамысловатое, великое...

Одинокий месяц завистливо заглянул в окно. Удивленно прислушался. Надо же...

Безмолвно звучал в ночи гимн любви, которая не умирает...

Динка

Полуденное солнце лениво стекало по блеклому, выгоревшему небу к горизонту Уставшее и разморенное, оно двигалось медленно и вяло, свысока поглядывая на разомлевших от жары обитателей крохотной деревеньки, затерявшейся в русской глубинке.

Динка сидела на старой лавочке, аппетитно грызла семечки и с удовольствием болтала ногами, обутыми в новенькие блестящие сандалии. Вперед – назад... Вперед – назад. Девчонке отчего-то очень нравилось это свободное легкое движение ногами, словно бы и сама она взмывала ввысь и возвращалась обратно, окунувшись с головой в раскаленный поток воздуха. Вперед – назад... Динка веселилась от души, да и поводов, честно говоря, оказалось немало. Во-первых, неделю назад закончилась эта противная школа и наступили, наконец, так долго ожидаемые летние каникулы. Во-вторых, мама сдержала данное очень давно слово и привезла ее на целое лето (ура!) в деревню к бабушке. В общем, Динка, помахав рукой на прощание маме, уже сидящей в машине, от привалившего вдруг счастья чуть не пустилась в пляс.

Деревня поначалу поразила Динкино воображение.

Боязливо оглядываясь вокруг, она в первое время даже по бабушкиному двору передвигалась перебежками, как вражеский лазутчик. Да и как не бояться: то гусь как зашипит и,

пригнув голову к земле, оглушительно захлопочет крыльями, то шмель мохнатый откуда ни возьмись загудит прямо над ухом, то крапива, поначалу не замеченная, так обожжет ногу, что хочется выть на всю округу Не жизнь, а сплошная борьба за выживание!

Но эти житейские мелочи, на первых порах казавшиеся совершенно непреодолимыми, как-то быстренько стали привычными и обыденными. Динка, проведя в деревне всего два дня, сразу перестала бояться толстую, неповоротливую гусыню и, разгоняясь, уже сама набегала на нее, страшно крича и топая ногами. Бедная птица, не в силах пережить такого ужаса, пряталась за сарай и лишь изредка, когда Динки не оказывалось рядом, осторожно выходила из укрытия.

Освоив все в пределах двора, девочка решила двигаться дальше. А почему бы и нет? Бескрайний и увлекательный мир за невысоким забором так и манил, так и звал, обещая столько еще непознанного и невиданного, что Динка, переселив свою городскую робость и девчачий страх, решительно распахнула деревянную калитку и шагнула на деревенскую улицу.

Курносая, светловолосая и голубоглазая, Динка ничем, в общем-то, и не отличалась от деревенских девчонок. Разве что у тех загар был потемнее, да волосы совершенно выгорели от постоянного пребывания на улице. Но самой себе Динка казалась чуть ли не принцессой, ей безумно нравилось ее новое платье, которое мама купила перед самым отъ-

ездом. Ярко-желтое, в крупный горошек, с большим бантом на спине – чудо, а не платье! А эти кармашки по бокам, а складочки, а рюшечки?! Просто прелесть, а не платье! Динка восторженно вздохнула, полюбовавшись на свое необыкновенное платье, а потом подняла глаза и оглянулась вокруг... Ей хотелось восхищенных зрителей, которые бы подтвердили ее неповторимость и поддержали уверенность в полном превосходстве над деревенскими девчонками. Но отчего-то сегодня неширокая деревенская улица была пуста. «Наверное, прячутся от жары, – решила девочка, – вот смешные, ну и пусть...»

Она с удовольствием закинула в рот очередную семечку и махнула ногой. Вперед – назад... Вперед – назад. «Нет, все-таки деревня – это замечательное место!» – решила девочка и мечтательно зажмурила глаза, подняв лицо к ослепительному солнцу.

Когда же Динка, наклонившись вперед, распахнула глаза, то от неожиданности даже ойкнула. Перед ней молча, сдвинув густые белесые брови, стоял мальчишка, сурово глядевший на разомлевшую от полуденного зноя явно не здешнюю девчонку.

Он внимательно оглядел эту непонятно откуда взявшуюся разнаряженную незнакомку, а потом отчего-то сердито спросил:

– Ты откуда взялась?

Динке это сразу не понравилось. Подумаешь, командир!

Она подняла голову повыше и дерзко сказала, как отрезала:

– Оттуда!

Мальчишка просто остолбенел от такой наглости:

– Откуда – оттуда?

Динке стало смешно, она приснула в кулачок и уже более благосклонно ответила:

– Из города. Что, не видишь?

– А-а-а, – протянул мальчишка, качая головой, – понятно.

Что ему было понятно, Динка не знала, но на всякий случай гордо взмахнула ресницами и отвернулась в сторону.

Мальчишка постоял, потоптался на месте, очевидно собираясь с мыслями, потом кивнул Динке:

– Слушай... А ты чья?

Динка, обернувшись, недовольно вздохнула (вот бестолковый!) и, укоризненно глядя на мальчишку, процедила сквозь зубы:

– Мамина и папина.

Парнишка сдвинул белесые брови:

– Да это я и так знаю. А сюда, к кому приехала? Динка сменила гнев на милость:

– К бабушке. Бабу Зину знаешь?

В глазах мальчишки вспыхнула радость:

– Бабу Зину? Вот тебе раз... так это ж наша соседка. Я живу вон там, – он махнул рукой за спину, – прямо через дорогу крашеный дом видишь?

Динка подняла глаза и поспешно кивнула:

– Вижу. Вот же он. Через дорогу.

– Правильно, – отчего-то еще больше обрадовался парнишка, – это наш дом.

Он внимательно пригляделся к Динке:

– А ты чего такая расфуфыренная, как кукла? Девочка покраснела и растерянно огляделась:

– А что? Разве не красиво?

Парнишка проявил небывалую тактичность:

– Да что ты! Красиво! Очень красиво. Это я так... Потом он, спохватившись, поднял на нее пытливые глаза:

– А как тебя зовут?

Девочка, которая очень гордилась своим именем, царственно улыбнулась:

– Дина.

Было видно, как парнишка изумился. Глаза быстро забегали, он робко зашевелил губами, словно пытался беззвучно повторить небывалое для деревни имя:

– Как? Дина?

– Да, – снисходительно кивнула девочка, – красиво, правда?

Мальчишка, сообразив, что деваться некуда, отвел глаза в сторону:

– Очень.

Он помолчал, борясь со своими эмоциями и собираясь с духом, а затем негромко сказал:

– А я Васька. Василий. Слыхала такое имя?

– Ага, – Динка хохотнула, – у нас так кота звали.

В общем, знакомство состоялось.

С того дня время покатилося со страшной силой.

С утра Васька прибегал за Динкой, и они, позавтракав, носились как оглашенные по всей округе. Красивое ярко-желтое платье пострадало первым. Перелезая через соседский забор, Динка зацепилась за доски подолом с рюшечками и с треском разорвала его пополам. Но, честно говоря, горевать особенно было некогда, так как Васька ждал внизу, нетерпеливо подпрыгивая:

– Ну, ты где? Чего ты там застряла? Ну давай...

Три месяца пролетели незаметно. Динка как-то похудела, вытянулась, почернела под неутомимым солнцем и выглядела уже даже не на свои двенадцать лет, а значительно старше. Баба Зина, поглядывая на внучку, одобрительно качала головой:

– Молодец! Поздоровела на деревенском воздухе да натуральных харчах!

И правда, жизнь в деревне оказалась увлекательной и любопытной. Вот только стычки с местными девчонками происходили постоянно. Никак не хотели местные красавицы принимать Динку, без конца придирались и цепляли ее. Однажды, когда все они сидели на берегу реки, одна из деревенских громко спросила:

– Ой, что-то я позабыла, как зовут-то тебя?

Не подзревавшая подвоха Динка громко и отчетливо, как

учила мама, произнесла:

– Дина.

Девчонки прыснули:

– Дина – корзина... Динка – пружинка... Дина – картина.

А та, которая спросила, так и вообще выделилась:

– Дина – скотина.

Растерявшаяся Динка еще ничего не успела и ответить, как Васька вскочил с коряги, на которой сидел, и схватил обидчицу за плечи:

– Эй, ты чего?! Еще раз услышу, получишь! Поняла?

Та, испугавшись налетевшего мальчишки, безропотно кивнула:

– Поняла, поняла. Подумаешь! Принцесса на горошине!

Динка благодарно взглянула на парнишку. Васька покраснел и опустил голову. Вообще, он оказался удивительно заботливым, добрым и смешным мальчуганом.

Он, как выяснилось, так же как и Динка, собирал марки. Узнав об этом, она разложила на полу все свои марочки, которые так любовно собирала долгие годы, и стала рассказывать Ваське все, что читала или слышала о них. Он слушал, затаив дыхание, даже грозная баба Зина присела тихонечко на диван и, боясь пошевелиться, внимала рассказу внучки. Особенно Ваське понравилась одна большая марка, довольно редкая, очень яркая и немного помятая. Он сразу предложил Динке:

– Давай меняться?

Но Динка ни за что не хотела расставаться с этой своей красавицей, поэтому пообещала:

– Я в городе еще одну такую поищу и следующим летом тебе привезу в подарок.

На том и порешили.

Конец августа подступил, как, впрочем, и всегда, неожиданно.

Мама, приехавшая за Динкой, все никак не могла наглядеться:

– Диночка! Ты ли это? Так выросла! А загорела-то как! Тебя и не узнать...

Собрав сумки и чемодан, Динка вышла прощаться с Васькой.

Он ждал ее у ворот. Радостно улыбаясь, девочка быстро подбежала к нему и остановилась, увидев его грустные глаза. Они помолчали. Оглянувшись на дом, зная, что мама уже ждет ее, Динка тихонько тронула Ваську за руку:

– Ну, Васька, мне пора...

– Ага.

Он кивнул и опустил вниз голову. Он хотел стойко, по-мужски проводить своего нового друга Динку, но не очень получалось. Отчего-то противные слезы щекотали глаза и горло ужасно першило. Собрав в кулак всю свою волю, Васька посмотрел на девочку:

– Ну, счастливо тебе.

Его губы скривились то ли в улыбке, то ли в сдерживае-

мом всхлипе. Помолчав еще секунду, он вдруг спросил внезапно задрожавшим голосом:

– Динка, а ты точно приедешь на следующее лето?

Динка хотела засмеяться, но вместо этого отчего-то молча кивнула и как-то хрипло выдавила:

– Приеду.

Не сдержавшись, она все-таки заплакала. Сама не понимая отчего, она горестно всхлипывала и терла ладошкой глаза. А потом, словно вспомнив что-то, негромко спросила:

– Васька, а хочешь, я тебе марку отдам? Сейчас? Хочешь?

Васька отчаянно замотал головой, не глядя ей в глаза:

– Нет. Не хочу. Лучше потом привезешь.

И тут же с надеждой выдохнул:

– Привезешь?

И она, понимая, что не марка ему нужна, а она сама, благодарно шмыгнула носом:

– Привезу.

И он, и она, сами не понимая почему, чувствовали, что нынешнее лето навсегда останется в их памяти.

Она уезжала.

Встав на заднее сиденье коленями, Динка заплакала, не стесняясь мамы, и долго махала и махала рукой. Васька, поначалу побежавший за машиной, потом отстал, и его худенькая фигурка, удаляясь, становилась все меньше и меньше, пока совсем не скрылась за горизонтом.

Ну что ж... Детство уходило.

Динка становилась взрослой.

Все будет хорошо...

Наконец в избе все уgomонились.

Уснули взрослые дети, устало разметавшись на высоких пуховых подушках, сладко засопел в своей колыбельке полуторагодовалый карапуз Митька, за печкой, на широкой лавке, наконец уgomонился старик-отец.

Стало тихо-тихо.

И в этой легкой, теплой, ночной тишине деревенской избы лишь слышалось, как потрескивают дрова в древней, еще прадедом сложенной изразцовой печи, как в теплых сенях вздыхает недавно народившийся теленок, как повизгивает во сне крохотный щенок, принесенный дочерью от соседей, да как редко, но звонко капает вода из медного рукомойника, купленного покойным мужем по случаю в автолавке, раз в полгода заезжающей в их далекую деревню, расположенную в стороне от широких и удобных дорог.

Любаша вздохнула.

Она любила эти ночные часы, когда вся их большая семья, притомившаяся за день, засыпала. Тогда наступали те редкие мгновения, когда домашние дела переделаны, животные накормлены, печь жарко натоплена... Всего и не перечислишь, что женские проворные руки за день делают, да и зачем...

Главное, вот оно – эта тишина!

Любаша прошла по чистому деревянному полу, выскобленному третьего дня добела, присела у окошка на лавку и посмотрела в окно.

Ой и вьюжно!

Так и метет, так и метет... Уж, поди-ка, неделю завывает да постанывает за окном хозяйка-метель. Так и злится, так и заносит, ох и сердита нынче зима!

Любаша покачала головой, глянув во двор.

Ить вот только вчера они с Федькой, старшим сыном, чистили перед сараюшками и погребом. Да куда там! Ни тропинок, ни дорожек... Все сравняла, замела, запорошила налетевшая метелица. И откуда в ней силы-то столько? Любаша усмехнулась. Говорят, что у человека больше... Ан нет! С природой шутки плохи...

Огромная, мутная луна висела прямо над огородом.

Словно подсматривая за людьми, она сегодня щедро одаривала их своим тускло-бесжизненным светом. И от этого и огород, и двор, и крыша погреба казались не белоснежными, а желтовато-грязными.

«Ох, – вдруг подумалось Любаше, – и страшно ж теперь в лесу... Попадешь, так и не выйдешь... Верная смерть!»

Неугомонные мысли беспокойно металась в уставшей от дневных забот голове. Их ход объяснить было нельзя, да и не нужно...

Вдруг вспомнился погибший прошлым летом муж. Митюшке, самому младшему, тогда едва-едва год исполнился.

Любаша всхлипнула, горькие слезы полились ручьем и на подбородок, и на шею, и на руки... Ах, беда-беда!

Женщина приподняла фартук, повязанный с самого утра, взялась за кончик и вытерла лицо. Но отчего-то так проняло ее сегодня, так душу разбередило, что она никак не могла успокоиться. Всклипывала, сморкалась, хлюпая носом, что-то шептала, покачивая головой... Рыдания так и рвались из груди: и мужа, так рано погибшего, не хватало, и себя, горемычную, жалко, а детей четверых, сиротинок, еще жалче...

Расстроившись, Любаша закрыла лицо фартуком, уже повлажневшим от ее слез, и зарыдала по-бабьи, чуть подвивая да постанывая.

В горнице послышались шаги. Шлепая босыми ногами по выскобленным половицам, в кухню вошел старший сын. Заспанный, взлохмаченный, он шурился спросонья, пытаясь понять, что случилось. Любаша, никак не хотевшая его расстраивать, поспешно обтерла лицо и удивленно вскинулась:

– Ты чего, милоч?

Но парень, ничего не ответив, пристально поглядел в заплаканное, покрасневшее и распухшее лицо матери, прошлепал по кухне и присел рядом с ней на лавку:

– Мам, что плачешь?

Любаша, ничего не ответив, опустила голову.

– Папку вспомнила? – сын сдвинул белесые брови. – Или болит чего?

Нежность захлестнула изболевшееся сердце матери. Она

обняла своего старшего за плечи. Вот она – опора и надежда!

– Не бойся... Это я так, Федюшка. Все у нас в порядке.

Сын внимательно глянул на нее:

– Ты не горюй, мам... Я вас не брошу. Ты только скажи, я все сделаю. Ты только не плачь...

Горячие слезы опять навернулись на глаза. Любаша хлюпнула носом:

– Деточка ты моя, кровинушка... И чтоб я без тебя делала!

Она уткнулась в худенькое, совсем мальчишеское плечо своего шестнадцатилетнего сына и покачала головой:

– Ой и лихо нам, сыночек... Но не бойсь, сдюжим мы, выстоим. Нас вон сколько! Мы с тобой, да Степка с Маринкой, да Митюшка еще подрастет... Не сдадимся, не пошатнемся!

Федька хмуро молчал. Жаль ему было мамку, так жаль!

Отец, кинувшийся летом спасти тонущего пьяного мужика, и дурака этого не вытянул, и сам не выплыл. Ох и кричала мать там на берегу! Еле соседки отлили водой. Да и он, Федька, не сдержался, сцепил зубы, сжал кулаки до боли, а не сдержался. Слезы текли как из небесной прорехи. А он и не стыдился. Разве горя можно стесняться?

Только мамку жалко.

Да и за этих, что сопят в горнице, тоже душа болит.

А как не болеть: Степке-то только десять, а Маринке и того меньше – восемь, а уж Митюне – так и совсем полтора года.

Федор вздохнул и скосил глаза на притихшую мать.

Та, уже вроде оправившись, подбирала волосы под косынку.

Сын улыбнулся: «Ох и хороша у нас мамка-то! Ишь, красавица...»

Любаша встала, налила в кружку свежей колодезной воды, глотнула, вытерла ладошкой рот и, поджав губы, опять присела на лавку. Помолчала, а потом вдруг обернулась к сыну и прошептала:

– А давай запоем? А, сынок?

Федька даже вздрогнул от неожиданности:

– Да ты чего, мам? Ты время гляди сколько! Всех по-перебудишь...

– А чо? Помнишь, как мы с отцом пели? На лугу, на выпасе, по вечерам... Помнишь?

Федор опустил голову и кивнул. Конечно, он помнил... И отца, сильного и доброго, и мать, красивую и счастливую, и их песню, звонкую, легкую, плывущую над деревней...

Враз все рухнуло. И отца нет. И мамка плачет по ночам. Федька подумал, подвинулся ближе к мамке и пробормотал:

– А чего?! Давай запоем... Затягивай.

Любаша кашлянула, чуть напряглась, выпрямила спину, улыбнулась и почти шепотом вступила:

Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...

За окном выла и выла озлобившаяся на землю выюга, заметала пути-дороги ледяной поземкой, рвала ставни на окнах да выстуживала теплые хлева, где коротала длинные зимние ночи домашняя скотина.

Наметала огромные сугробы, вырисовывала чудные узоры на стеклах, застывала ледяной коркой на срубах старых колодцев, остервенело хлопала воротами да калитками...

Зима свирепствовала.

А в маленьком домишке на окраине деревни, в полутемной комнатушке сидели за столом мать и сын. И тихонечко пели...

И неслась по дому, по деревне, по миру эта старая-старая песня, спасавшая от беды и лиха и наших прадедов, и дедов, и родителей...

Любаша с Федором пели с таким отчаянием, с такой душевностью, с таким трепетом, словно очищали этой песней и себя, и свои израненные души, и набирались сил, и учились заново жить.

Разгоралась зимняя заря.

Метель улеглась. Огромные сугробы до половины завалили небольшие оконца, дым из труб темными клубами валил в чуть розовеющее небо.

Деревенское утро занималось...

Любаша, как всегда, суежилась по дому: мало ли в хозяйстве дел... Но усталости она не чувствовала. На душе сейчас было спокойно и тихо.

Теперь она точно знала, что все у них будет хорошо.

Они выстоят...

Оставаться людьми

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался полчаса назад.

Словно на небе мгновенно затянулась огромная прореха, из которой на измученную жаждой землю минут тридцать подряд без устали лилась холодная, почему-то серая вода. Выглянувшее затем проказливое солнце враз разогнало мрачные клочкастые тучи, заполонившие весь небосвод, и, будто бы красуясь, повсюду щедро рассыпало ослепительные брызги жарких лучей, тут же заискрившихся миллионами огней в лужах, зеркалах автомобилей и огромных стеклянных витринах местных магазинов.

Умытые улицы и обильно политые дождевыми потоками деревья выглядели нарядно и празднично.

Но люди, переживавшие дождь где кому придется, естественно, были недовольны.

Вот ведь наша человеческая сущность... Никак не угодишь: жара – плохо, дождь – плохо, снег – еще хуже...

На автобусной остановке небольшого провинциального городка сидели и стояли несколько горожан, врасплох застигнутые ливнем и спасающиеся от него же под старой, но зато не протекающей шиферной крышей. Несмотря на то что дождь прекратился, они, как-то сроднившись за эти ливневые полчаса, расходиться не торопились.

Наталья, известная в городке сплетница и балаболка, повязав голову белой косынкой и уютно разместив свое далеко не худенькое тело на узенькой лавчонке, аппетитно грызла семечки и смачно сплевывала шелуху рядом на землю, справа от себя. Помахивая от удовольствия ногой, находясь в добром расположении духа, Наталья одобрительно кивнула, глянув на дорогу:

– Ишь, намочило-то как все вокруг. Прямо конец света, а не дождь...

– Ага, – поспешно поддакнула худая, высохшая, словно вобла, плоскогрудая и узкобедрая тетка лет тридцати.

Наталья довольно хохотнула, сплюнула очередную порцию подсолнечной шелухи и перевела взгляд на вереницу припаркованных у обочины машин. Только что прошедший дождь не только умыл их, а будто отполировал: они сияли первозданной красотой и горели начищенным никелем. Наталье, очевидно, это не очень понравилось:

– Ты гляди... До чего народ зажиточным стал! Это что ж такое делается, люди добрые? Машин накупили, выставили... на тебе, любуйся на наш достаток! Куда бежать?!

– Ага, – вновь подобострастно кивнула худющая тетка, – прямо с жиру бесятся!

Они дружно громко захохотали, очень довольные собой и своими шутками.

На другом конце лавочки, совсем на краю, сидела еще одна дама. Плохонько одетая, уже в возрасте, с дешевой сумоч-

кой в руках, она казалась испуганной и робкой. В разговоре не вступала, сидела, скромненько подтянув ноги, обутые в довольно поношенные туфельки, под лавочку, да изредка поглядывая на часы, словно боясь куда-то опоздать.

Хамоватые соседки ее, казалось, даже не замечали и в расчет не брали. Подумаешь, сидит там какая-то неприметная «серая мышка», пусть уж благодарит, что с лавочки не согнали. А дама, словно и впрямь понимая свою незначительность, лишь поправляла седые волосы да скромно отворачивалась, чтобы не встречаться взглядами с громогласными тетками, царственно восседающими на другом конце скамейки.

Наталья, бросив в рот очередную пригоршню семечек, толкнула локтем в бок худую соседку:

– Слышь, Лидуха... А брат твой еще живет со своей-то? Иль опять разбежались?

Лидка, пронырливая и ехидная, сузила до невозможности свои и без того не крупные глаза:

– Ой, и не спрашивай... Ить она замучила его, брательника моего!

– Да ты что? – Наталья повернула свое могучее тело, чуть не столкнув худую тетку со скамейки, и удивленно взметнула брови: – Вот тебе и любовь...

Толстыми, короткими пальцами она смахнула с лоснящегося подбородка повисшую шелуху и прищурилась:

– Ну? И чего?

– Дак чего? Вот и говорю, нету жизни...

Наталья на мгновение призадумалась, но, очевидно, мозг, не привыкший долго думать, дал осечку, и поэтому она, махнув раздраженно рукой, хохотнула:

– Вот стерва-то... Окрутила мужика, опоила, а теперь – в кусты! А что ж брательник-то твой? Пьет?

Лидуха потеряла глаза, будто собираясь всплакнуть, но, во время опомнившись, пожала плечами:

– Дак попивает... А чо? Кто ж нынче не пьет?

Наталья чрезвычайно довольная сделанным заключением, громко подытожила:

– И то правда. Мужик он на то и мужик, и выпить, и бабу поколотить...

Она раскатисто закашлялась, подавившись собственным смехом, а потом, побагровев от натуги и кашля, добавила:

– Но у меня такой номер не пройдет... Я их вот где держу!

Она сжала огромный кулак и сунула его под нос худосочной Лидке:

– Поняла?!

Неизвестно, как долго бы еще длился такой «душевный» разговор, если бы их внимание не привлекла женщина, медленнодвигающаяся по тротуару Невысокая, хорошо одетая, в новеньких белоснежных босоножках, в аккуратном ситцевом светлом платье, она казалась нездешним существом, случайно оказавшимся на улицах этого крошечного провинциального рая.

Она шла неторопливо, иногда останавливаясь, испуганно озираясь, ступала нетвердо, словно боясь, что земля ускользнет из-под ног.

Наталья, внимательно и сосредоточенно поглядев на нее, поначалу нахмурилась: уж больно ей не нравились такие чистенькие, выхоленные «цыпочки». Ишь, напомадилась, нарядилась... Ходят тут, народ простой смущают. Замолкнув на мгновение, Наталья пригляделась и вдруг радостно хмыкнула: нашла-таки изъян в этой чистюле. Толкнув притихшую Лидуху в бок, она громогласно, голосом не терпящим возражения, заявила:

– Лидка! Ты глянь... Да ведь она пьяная! Во, дает! Ишь, паразитка такая... Наклюкалась, платье чистое надела и думает, что никто не заметит!

Лидуха, на мгновение остолбенев, тут же заверещала без остановки:

– А и впрямь... Ах ты ж! Мать Божия... И ведь точно, пьяная, как пить дать! Ты гляди, как она вышагивает! Как вышагивает! Обхохочешься...

Женщина, идущая по тротуару, действительно шла медленно, неуверенно, покачиваясь. Когда она подошла ближе, то стало заметно, что она держится рукой за сердце и хватается ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Люди, стоявшие тут же на остановке, услышав слова хамоватых подруг, заинтересованно оборачивались в сторону подошедшей незнакомки, активно обсуждая и ее, и заключе-

ния Натальи. Кто-то беззлобно улыбался, кто-то ехидно посмеивался, кто-то радостно потирал руки...

Незнакомка же, подойдя ближе, прислонилась спиной к столбу, поддерживающему рекламный щит, и прикрыла глаза, тяжело дыша. Ужасная бледность расплзалась по ее лицу, оставляя вокруг рта синеватые разводы.

Ожидающие прибытия автобуса поглядывали на подошедшую женщину, шушукались, любопытные откровенно разглядывали ее... Наталья, не выдержав столь долгой паузы и чувствуя, что теряет первенство, брезгливо скривилась:

– Фу! Ну и дрянь... Это ж надо, так напиться среди бела дня!

Лидуха, боясь отстать от подруги, визгливо проверещала:

– Да, гадость какая... Вроде приличная женщина. Ты еще упади здесь, на потеху народу! Ой, люди, до чего ж мы дожили...

Незнакомка, сильно побледнев, и вправду стала сползать спиной по столбу. Сознание ее еще не покинуло, она то беспомощно оглядывалась по сторонам, держась за сердце, то закатывала глаза, хватая ртом воздух...

Наталья зычно захохотала и сплюнула:

– Тьфу, глаза б мои на такое не глядели...

Тут, в совершенной тишине, вдруг раздался сдавленный вскрик... Тревожный, будоражащий, изумленный... Пожилая дама, скромно и робко сидевшая на самом конце скамейки, внезапно вскочила, в один миг превратившись из по-

терянной и смущенной в решительную и сильную. Отбросив свою старенькую сумочку, она подскочила к уже падающей незнакомке, обхватила ее за худенькие плечи и, пытаясь удержать, обернулась к стоящим вокруг людям, гневно и удивленно выкрикнув:

– Да ей же плохо! Плохо! Помогите...

Однако никто из окружающих даже не сдвинулся с места.

Никто.

Лишь смолкли разговоры и все глаза устремились на них, двух женщин, борющихся за жизнь. Пожилая дама, чувствуя, что не сможет удержать падающую, из последних сил перехватила руки, обняв покрепче худенькую незнакомку, подняла глаза, полные слез, и умоляюще взглянула на равнодушно стоящих вокруг:

– Люди... Ну, вы же люди!!! Вспомните! Ну, помогите же... Что же вы?

И они, словно мгновенно вышедшие из тяжкого оцепенения, будто и вправду что-то сразу вспомнившие, вдруг засуетились, зашевелились, загомонили:

– «Скорую»! Нужно срочно «скорую»! Вызывайте... Положите ее... Голову повыше... Пульс есть?

Пожилая дама, обессилено сидя на земле рядом с незнакомкой, держала ее за руку и тихо-тихо плакала.

Слезы лились и лились, стекали прозрачными струйками по подбородку и капали незнакомке на платье.

Повисла тишина.

Люди, стоящие вокруг, смущенно топтались рядом, никто не уезжал, не уходил, ничего не говорил.

Им теперь казалось, что своим молчанием и сочувствием они сейчас спасают незнакомку.

И себя...

Себя спасают.

Опомнившись, очнувшись, пробудившись, страшно потерять вновь обретенное.

Просто оставайтесь людьми...

Случайная любовь...

Прошло уже много-много лет с тех времен.

Но яркая, чрезмерно услужливая память никак не дает ей успокоиться, забыться и смириться.

Все прошло. Но... все осталось. Все, все, все!

Унеслись годы, но память жива...

Четырнадцать лучших дней ее жизни, две недели совершенного, светлого, безоблачного счастья...

И не важно, что они теперь не вместе, и пусть одиночество стало с тех пор ее частью, но ведь счастье было.

Когда-то было...

И была случайная любовь.

День 1-й

Утро взбудоражило яркой свежестью.

Несмотря на июль и давно ожидаемую жару, в этот год средняя полоса России не только не удивляла необыкновенной жарой, но и, совсем наоборот, слегка озадачивала несвоевременным похолоданием.

Я уезжала в санаторий. Слава богу, как говорится, дожила и я до этих светлых дней, когда можно будет ничего не делать и ни о чем не думать. Ура! В теплые края!

Дорогу я не люблю. Все эти бесконечные и бездушные

аэропорты, автовокзалы и другие всякие пристанища обезумевших от толчеи и дороги пассажиров вызывают во мне отвращение, тоску и головную боль. А чего ж вы хотели? Грязь, суматоха, жалкие растерянные лица... Просто конец света!

Но два раза в год (а если повезет, то и чаще) и мне приходится, собрав всю волю в кулак, претерпевать вокзальные баталии ради так долго ожидаемых дней безделья и праздности.

Ну так вот...

Уложив заранее отобранные, заштопанные, выстиранные вещи в чемоданчик, сложив лучшую мою косметику в дермантиновую косметичку, аккуратно закрыв флакончик с парфюмерным хитом нашего времени, я приехала на обычном городском такси на вокзал.

Ну что ж... «Это надо просто пережить», – решительно сказала я себе, и, недовольно поджав губы, втиснулась в узкий коридор купейного вагона, что уже само по себе казалось мне очень добрым предзнаменованием.

День 2-й

Ночь, проведенная в вагоне, в соседстве с сопящими и храпящими пассажирами, не добавила мне оптимизма и не улучшила моего настроения. Однако, помня о конечной цели этого путешествия, я терпеливо сносила все посланные мне жестокие испытания и тяготы.

События, надо сказать, развивались согласно заранее обговоренному плану. Специально высланный к поезду автобус привез нас прямо в санаторий. Я вздохнула с облегчением: пока все складывалось удачно, мы даже успевали на завтрак, что, кстати, меня особенно порадовало, очень хотелось выпить горяченького чайку.

Наконец, после завтрака и утомительного заселения, отнявшего, как обычно, уйму нервов и времени, я отправилась, как говорится, знакомиться с территорией. Ну, здесь явно было чем насладиться!

Красота неопишуемая...

Вокруг длинных белых корпусов тянулся и в ширь, и в длину огромный старинный парк. Он казался даже не парком, а настоящим густым лесом. Чего тут только не росло: и разлапистые темные ели, и пирамидальные тополя, и кипарисы, стройными красавцами вытянувшиеся вдоль витиевато выющихся тропинок, и белоствольные невесты-березы, не привычные глазу здесь, в южной точке нашей необъятной Родины. До самого обеда я одна бродила по самым отдаленным уголкам бесконечного парка и чувствовала себя если не абсолютно счастливой, то почти достигшей этого неопределенного состояния. Блаженная улыбка блуждала по моему лицу, делая меня похожей то ли на полудурка (вернее – полудурочку), то ли на юродивую... Но меня это ничуть не смущало, да и совершенно не заботило! Должна же я хоть когда-то раскрепощаться и позволять себе бесконтрольную ра-

дость или восторг.

В общем, прогулка удалась.

Настроение заметно улучшалось прямо пропорционально времени, проведенному на территории знаменитого санатория. Справедливости ради надо сказать, что с соседкой по палате мне тоже повезло (что уже настораживает: откуда и за что столько счастья за один день?!) Небольшая, кругленькая, с дотла сожженными перекисью волосами, она безоговорочно считала себя если не Василисой Премудрой, то уж Еленой Прекрасной точно, и, соответствуя своему призванию, она сразу же стала давать мне довольно здравые (по ее разумению) советы. Пообщавшись со мной полчаса, Василиса Премудрая быстренько сообразила, что я хоть и не такая премудрая, как она, но в советах все-таки не нуждаюсь и буду жить и лечиться так, как моей душе угодно. Равнодушно махнув на меня толстенькой ручкой с ярко покрашенными круглыми ноготочками, моя соседка милостиво кивнула:

– А что? И правильно! Отдыхай как хочется... Санаторий, он для того и санаторий – ешь, лечись и гуляй, да так, чтобы потом было, о чем вспомнить.

Я удивленно оглянулась на нее: ее представления о жизни явно не укладывались в рамки обычной сказочной премудрости. Своей уверенностью и непоколебимостью она превзошла всех известных мне сказочных героинь одновременно, поэтому, выказывая свою почтительность к ее явно героическому прошлому, я, чуть наклонившись в поклоне, отдала

должное жизненному опыту моей соседки:

– Вот совет так совет! Спасибо. Я запомню.

Очевидно, Елене Прекрасной ответ мой пришелся по сердцу. Благосклонно улыбнувшись, она опять ласково погрозила мне пухленьким указательным пальчиком и подмигнула:

– Ты девчонка, смотрю, красивая и, что еще важнее, сообразительная. Не теряйся. Жизнь она, милочка, одна... Гляди, не продешеви!

Ого! Это уже была серьезная заявка. Так сказать – курс на светлое и достаточно дорогое будущее (дешевизну, как я поняла, Елена Прекрасная не приветствовала).

...Мы с ней, конечно, шутили. Но ведь отдых в санатории и должен начинаться с хорошего настроения. На самом деле полная дама с сожженными перекисью волосами оказалась неплохой женщиной. Любопытной, настырной, но доброй... А чего ж еще? Доброта дорогого стоит.

Ну а дальше – вечер.

А вот уж вечер этого дня я запомнила надолго, да что там – надолго...

На всю жизнь.

* * *

И теперь, через тридцать лет, закрывая глаза, я словно наяву вижу большой зал. Это кинозал, где по вечерам собира-

лись мающиеся от безделья отдыхающие для просмотра очередного фильма. Не обязательно нового. И даже, скорее всего, не нового, но это обстоятельство вовсе не тяготило расслабившуюся на отдыхе публику. Я тоже, под мудрым руководством соседки по палате, решила не упускать шанса «себя показать...» Зал хоть и большой, а всех желающих не вмещал, поэтому опоздавшие рассаживались уже там, где оставались единичные свободные места. Моя Елена Прекрасная присела где-то в пятом ряду, в середине, а мне пришлось, после достаточно длительных поисков, уже в свете гаснущих ламп, плюхнуться туда, где, наконец-то, обнаружилось еще одно свободное кресло. До сих пор помню – двадцатый ряд и крайнее в ряду место привели меня поначалу в неопишый ужас. Первый порыв – встать и уйти я задушила только из уважения к жизнерадостной соседке, а потом уже и сама не захотела пробираться по темному залу – воспитание, так сказать, не позволяло.

На этом, пожалуй, и заканчивается радостно-оптимистическое повествование молоденькой отдыхающей.

А начинается... Начинается не очень веселая, полная лирики, подлинной грусти и бесконечной тоски история случайной любви.

Хотя, конечно, глупо звучит. Ведь ничего случайного в нашей жизни не бывает, а уж любви случайной тем более...

* * *

После сеанса мы с Ниной Петровной (так звали мою соседку) решили погулять. Беспечно болтая, мы двинулись было в сторону главного выхода, но тут я вдруг заметила, как моя Елена Прекрасная прямо на глазах стала превращаться из лягушки в царевну (во всяком случае, сделала очевидную попытку): выпрямила, насколько возможно, сутулую спинку, взбила пухлой ручкой пере-гидроленные пряди, втянула живот... Ничего не понимая, я обернулась туда, куда она внимательно смотрела и... Стоп, стоп! Не хочу банальных слов и пустых фраз. В общем, так: возле окна в кресле сидел молодой мужчина, читающий газету. Вот и все.

Эту минуту я помню всю свою жизнь.

День 3-й

Все утро Нина Петровна охала и ахала, вспоминая вчерашнего мужчину:

– Уж ты поверь мне, красота мужикам ни к чему! Но все же как хорош, подлец! Как хорош... А?!

Она, не чувствуя поддержки, подозрительно обернулась ко мне:

– Чего молчишь-то?

Что я могла ей, опытной и прозорливой, ответить?

Нина Петровна недоверчиво прищурилась:

– Эй? Что с тобой?

Я лишь пожала плечами. В горле со вчерашнего дня стоял какой-то ком, который никак не удавалось проглотить. И вообще, состояние равновесия и оптимизма улетучилось, оставив после себя что-то наподобие вихревых токов, которые когда-то мы изучали на уроках физики. Я, привыкшая ладить с собой или, в крайнем случае, договариваться со своим организмом, все пыталась привести себя в норму, но в голове лишь, подобно детскому калейдоскопу, крутилась одна и та же картинка: мужчина спокойно читает газету, поднимает голову и внимательно смотрит на меня... Пауза – и опять то же самое, по кругу, по кругу...

«Раз, два, три... Раз, два, три... Раз, два, три...»

Завтрак, обед и все, что происходило между этими временными границами, из памяти стерлось, но послеобеденное время, словно вспышка, осталось навсегда, как мгновение, разделившее жизнь на «до» и «после». Нина Петровна осталась в комнате, решив сполна вкушать удовольствие послеобеденного сна, а я, измученная «вихревыми токами», отправилась гулять по парку, в котором, к моему огромному удивлению, оказалось много таких же, как я, борцов с собственными амбициями и излишней чувствительностью. Хотя справедливости ради, надо отметить, что многие бродив-

шие по бесконечному парку искали все-таки физического совершенства и лишь немногие, такие как я, душевной гармонии. Снедаемая ужасным беспокойством по поводу непонятно откуда взявшихся бурных эмоций, я старалась идти медленно, дышать глубоко и расслабленно (как учили когда-то на уроках физкультуры).

В моей жизни было несколько вещей, которые я терпеть не могла, а именно: забрызганные зеркала, тусклый свет и развязавшиеся шнурки. И вот как раз сегодня на прогулку я надела те самые спортивные тапочки, у которых, как назло, постоянно развязывались шнурки. Злясь на себя (и на шнурки, естественно), я в очередной раз присела и стала старательно завязывать бантиком надоевший до бешенства шнурок. Так, сидя на корточках, я вдруг обнаружила, что передо мной кто-то стоит. Светлые мужские туфли возникли перед моим носом неожиданно и замерли, очевидно ожидая, когда я, рассеяная посреди тропинки, освобожу место для прохода. Меня, и так находившуюся не в лучшем расположении духа, эти светлые туфли, нагло стоявшие прямо перед моим носом, ужасно разозлили. Сцепив зубы, я, однако, не торопясь завязала все-таки противные шнурки, проклиная их про себя, и медленно подняла голову. Сначала я увидела светлые льняные брюки, потом складки на коленях, потом... Ну, в общем, в последнюю очередь я увидела лицо мужчины, стоявшего передо мной, и, остолбенев, чуть не упала (в буквальном смысле!) на этот раз от неожиданности. Светлые

брюки оказались тем самым незнакомцем, поразившим вчера наше с Ниной Петровной воображение. Вот так и бывает: я падала в пыль и грязь прямо на глазах у того, кто вызвал во мне те самые «вихревые токи», с которыми я и собиралась сегодня бороться. Однако он, резко выкинув руку вперед, успел такти подхватить меня и не дал рухнуть на тропинку:

– Эй, эй, держитесь! Это что, у вас такое хобби, валяться на дороге?

Я, сразу представив, как по-дурацки выгляжу со стороны, не сдержалась и громко расхохоталась. Он внимательно и даже подозрительно поглядел на меня, помолчал, словно оценивая ситуацию, потом как-то прищурил глаза и, не выдержав, тоже рассмеялся:

– Слушайте, я еще такого не встречал в своей жизни! То на дороге сидите, то падаете, то хохочите... Уморите кого угодно, честное слово!

Когда, отсмеявшись, я, наконец-то, вернула себе способность вразумительно изъясняться, наступил мой черед «галантности»:

– Ну, во-первых, на дороге я не валялась...

– Да? – он хитро прищурился, – а что, простите за столь интимную подробность, вы там делали?

Я сердито покраснела и выпалила:

– Шнурки завязывала!

– Угу... ну, допустим, а во-вторых?

– А во-вторых, не падала, а просто покачнулась. От

неожиданности.

– Это теперь так называется? – он явно издевался надо мной. – Да если бы я вас не подхватил, лежать бы вам здесь на тропинке.

Я, понимая, что, хоть он и во всем прав, ни за что не хотела сдаваться, поэтому нападение все-таки показалось мне лучшей защитой:

– Вы сами во всем виноваты!

– Ага? – он удивленно хмыкнул. – Так, так, так... Даже интересно?

– Если бы не появились так неожиданно, то ничего этого бы и не случилось!

Он миролюбиво поднял вверх руки:

– Все, сдаюсь. Давайте мириться, а?

Я молчала. Он протянул руку:

– Ну, мир?

– Мир. – И какая-то дурацкая, предательски счастливая улыбка осветила мое лицо.

Он сделал вид, что этого не заметил (или точно не заметил?) и предложил:

– Так что? Может быть, познакомимся? Меня зовут Алексей, а вас?

Даже прежде чем я успела подумать, мои губы предательски зашепили (или это точно, что язык мой – враг мой?):

– Ольга.

Он был очень хорошо воспитан:

– Очень приятно, Ольга. – Но, не сдержавшись, опять хитро улыбнулся: – Слава богу, что я вас не раздавил, а ведь мог наступить, не заметив...

Моя злость куда-то улетучилась.

Вот чудеса! С ним оказалось легко, весело и очень просто.

И меня понесло, понесло, понесло...

* * *

Я влюбилась сразу и безоговорочно! Этот вечер стал лучшим в моей до сих пор спокойной и размеренной жизни. Еще ничего не случилось. Но я уже жила ожиданием чуда, и все мое естество трепетало от того, что называют «предчувствием любви». Душа пела и рвалась куда-то ввысь...

Боже мой, а я ведь и не знала до сих пор, что так бывает!

Надо же...

День 4-й

Василиса Премудрая подозрительно присматривалась ко мне все следующее утро. Наконец, ее легендарная вековая мудрость, в конце задавленная обычным женским любопытством, сдала завоеванные позиции и позорно капитулировала:

– Оль, ты вот скажи мне, чего это ты вчера вечером все

уснуть не могла? А?

Я, сосредоточенная на своих внутренних ощущениях, совершенно не хотела делиться ими ни с кем:

– Да что-то голова разболелась... Да так, ничего серьезного.

Нина Петровна скептически кивнула:

– Ой, девонька! Уж я повидала жизнь и с изнанки, и с наружи... Какая уж тут голова!

Очень удивленная тем, что у жизни, оказывается, есть и неведомая мне изнанка, я заинтересованно подняла голову:

– Да что вы? Ну и темно же там, наверное?

Соседка бестолково округлила глаза:

– Где?

Я спокойно взглянула на нее:

– Ну там... в изнанке.

– Что? – Нина Петровна побагровела. – Что ты мелешь?

– Да вы же сами только что сказали, что и с изнанки жизнь повидали...

– Ну, знаешь, – от досады и злости соседка даже присела на кровать, – тьфу! Добра же хотела...

В общем, наши комнатные баталии, подогреваемые ее бабьим любопытством и острым желанием поучить меня, молодую да бестолковую, развивались, как и положено, динамично и однозначно.

Но меня это совершенно не волновало.

В моей жизни появилось нечто большее, чему я еще не

знала названия, но это «что-то» внезапно сделало мою довольно скучную и размеренную жизнь яркой, бурной, чувственной и страстной. Я вдруг захотела хорошо выглядеть и весь день тайком от слишком говорливой соседки разглядывала свое лицо. До сих пор все окружающие считали меня «чрезвычайно хорошенькой», как выразился как-то мой закадычный друг и бывший одноклассник Семка. И я, стыдно сказать, верила этому безоговорочно. Да и к чему лукавить? Я и сама себе очень нравилась... А что? Рыже-медные волосы, редкие, светлые веснушки, словно солнышки, большие серо-зеленые глаза – красotka, да и только! Но сегодня я, глядя на себя в большое зеркало в ванной комнате, сердито показывала своему отражению язык и свирепо шептала:

– Фу! Разве это лицо? Никакого обаяния, шарма, изящности... Вот наградил же Бог... Ну как мне смотреть ему в глаза?

Алексей же, наоборот, казался мне совершенно неземным существом. Он умел так смеяться, что хотелось немедленно громко вторить ему, не задумываясь о смысле сказанного, он говорил медленно и чуть растягивая слова, при этом никогда не отводил глаза в сторону, а смотрел прямо, слово хотел проникнуть в самую душу. Все в нем поражало какой-то опрятностью, ловкостью и ухоженностью. Загоревшая кожа, карие глубокие глаза, влажные, подернутые негой... Помужски крупные, четко очерченные губы, сильные руки – все-все-все сводило меня с ума!

Сегодняшний день мы провели вместе.

Гуляли, смеялись, дурачились...

Душа моя ликовала.

Мне хотелось ему нравиться, я волновалась, смущалась и краснела. За ужином он пересел ко мне за стол, заранее договорившись об этом с диетсестрой, строго бдящей за порядком в доверенной ей столовой.

Я ни о чем не задумывалась. Совершенно ни о чем. Мне казалось, что счастье стало так ощутимо, что можно, протянув руку, даже дотронуться до него. Если же мы случайно касались друг друга рукой или плечом, меня словно простреливало, так било током чувственности, что я едва не лишалась дара речи!

Завершаясь, этот четвертый день обещал мне так много радости и бесконечного счастья, что я даже зажмурилась, чтобы не расплескать эту свою уверенность в грядущем.

Засыпая, я еле слышно прошептала: «А-лек-сей... А-леша...», словно пробуя его имя, ставшее вдруг таким милым и родным, на вкус.

Это был вкус любви...

День 5-й

Мы целовались.

В парке, в кинозале, на прогулке, на лавочке, под елкой...
Мы целовались...

Я улетала ввысь, словно что-то неведомое подхватывало меня и несло куда-то, где не чувствуешь ни своего тела, ни своего веса, ни-че-го!

Сказать, что случилось счастье, – это, значит, ничего не сказать... Каждая клеточка моего организма сливалось с его дыханием и пела, пела, пела!

Господи! Пусть это никогда не закончится...

А потом была ночь.

Лучшая ночь моей жизни.

День 6-й, 7-й, 8-й, 9-й

Счастье, счастье, счастье... Любовь!

День 10-й

Мы босиком бежали по берегу...

Я убегала из последних сил. Убегала, страстно желая, чтобы он меня догнал. Мои рыже-медные волосы растрепались, пятки горели, щеки полыхали и от радости его присутствия, и от встречного ветра, дыхание сбивалось... Он, догоняя, что-то громко кричал, но встречный ветер уносил его слова куда-то в сторону, и до меня лишь долетали обрывки его фраз и редкие слова: «Поймаю... зацеловать... моя радость!»

Наконец, зацепившись ногой за какую-то корягу, я все-таки упала, но не на землю, а прямо ему в руки. Он опять успел подставить свои объятия, пошутив:

– Я, наверное, родился, чтобы спасти тебя.

Я, задыхаясь и от счастья, и от бешеного бега, лишь пожала плечами.

Я так любила его в это мгновение!

Зачем слова? Что еще они могут добавить? Бурная страсть сменилась острой нежностью. Чуть касаясь моего лица губами, он все шептал и шептал что-то... Я не прислушивалась, да и зачем?

Я и так все знаю.

И о себе.

И о нем.

И о нашей любви.

День 11-й

Весь день лил сильнейший дождь.

Теплый. Беззлобный. Кроткий. Добродушный.

Мы поначалу сидели в корпусе, бродили вокруг бассейна, сходили в библиотеку, посидели в баре.

Но я, переполненная до краев моей любовью к Алеше, никак не могла усидеть на одном месте.

– Что ты за егоза такая? – он ласково чмокнул меня в нос. – Чего тебе не сидится?

Я взяла его за руку и молча потащила за собой. Мы вышли на главное крыльцо. Огромный навес закрывал центральный вход и парадную лестницу. Мы долго меланхолично смотрели на льющиеся с небес струи.

– Да, – задумчиво произнес он, – конца краю не видно! Прямо беда...

А мне было абсолютно все равно!

Я отодвинулась от него, осторожно сделала шаг. Еще один... Поспешно сбросила сандалии и ступила прямо под проливной дождь!

– Эй, эй... Ты куда?

Алексей заметался под навесом, призывая меня вернуться, а я, хохоча от души, выделывала ногами невообразимые фортели в глубоких лужах. Брызги фонтаном полетели в разные стороны!

Дождь не прекращался, он оказался ласковым, каким-то приветливым, радушным, что ли... Он поливал меня очень теплой водой, словно боялся застудить влюбленную девчонку.

Я плясала под дождем, и душа моя летела, летела, летела ввысь!

Алексей сначала недоуменно оглядывался вокруг, словно не понимая, что делать, а потом...

Не поверите!

Он отчаянно махнул рукой и прямо как был – в туфлях, рубашке и светлых брюках тоже кинулся под дождь!

Мы обнимались и хохотали. Счастье захлестывало меня.

Я подняла голову вверх и, взглянув в серое беспросветное, затянутое низкими облаками небо, тихонько проговорила:

– Спасибо тебе. Я запомню этот дождь навсегда...

День 12-й

Ездили в заповедник. Собирали ягоды. Я сплела венки и надела их на нас.

Красиво. Словно в церкви во время венчания. Мы затихли и долго-долго молчали, обнявшись.

Интересно, о чем он думал?

Я вдруг впервые подумала тогда, что совсем его не знаю. Но люблю...

Мне кажется, я готова за него умереть. А он?

День 13-й

Алеша целовал мои руки.

Нежно, трогательно, страстно. Каждый пальчик, запястье, ладошку...

А я, закинув голову, считала падающие звезды и по вечной традиции загадывала желание.

Я хочу состариться с ним вместе и умереть в один день.

Пожалуйста, Господи!

День 14-й

Сегодня я улетаю.

Это последний день моего отпуска. Лучше бы он никогда не наступал.

Алеша только что прислал мне записку. Странно, почему он сам не пришел?

.....
Оказывается, я ничего о нем не знала.

Ничего!

Ни-че-го...

* * *

Знаете ли вы, что такое жестокость?

Нет, не просто, теоретически – жестокость... А жестокость по отношению к вам? Вашим чувствам? Вашему сердцу?

Это больно. Это так больно! Нестерпимо. Словно сердце начинает кровоточить или словно на открытую рану медленно насыпают соль...

Теперь и я знаю, как плачет душа.

Я знаю...

* * *

Вот и все. Правду говорят, что все в жизни имеет свое начало и свой конец. Мне тяжело.

Я комкаю в руках его записку: «Я тебя люблю. Но вместе мы не будем никогда. Прости...»

Ни объяснений, ни адреса, ни номера телефона. Просто – прости!

Плохо, тягостно.

Хочется умереть...

А как же любовь?

Разве любовь умирает?

* * *

Санаторный автобус увозил меня в аэропорт.

Нина Петровна вышла проводить. Ничего не говорила, не поучала, не охала сочувственно. Молчала. Обняла крепко на прощание:

– Я тебе позвоню.

И перекрестила меня, махнув пухленькой ручкой вслед отъезжающему автобусу. Все-таки она, что ни говори, – Премудрая.

Автобус тронулся. Я все же надеялась на чудо.

Резко обернулась.

Санаторий быстро удалялся и удалялся, уходя в небытие...

Все закончилось.

Ну что ж... И такое бывает.

Я вздохнула.

.....
А может быть, это все приснилось мне?

Федька

Дождь уже закончился.

Солнышко как-то лениво, нехотя выглянуло было из-за низких туч, но, словно испугавшись царивших повсюду слякоти и сырости, быстренько убралось восвояси.

Их городишко, и без того не больно-то чистый и опрятный, теперь, после проливного дождя, выглядел и вовсе плачевно. То тут, то там образовались широченные лужи, размытые дорожки потеряли свои очертания, песок из песочницы растекся вместе с выливавшейся через край водой, заборы и лавки почернели от сырости. Редкие прохожие поеживались от попадающих за шиворот капель, срывающихся с промокших насквозь деревьев, и, поскальзываясь на размытых тропинках, громко ругались, не стесняясь в выражениях.

Федька, распахнув дверь подъезда ногой, медленно вышел на крыльцо и, смачно сплюнув, покачал головой:

– Ну и погодка... Не везет.

Почему не везет, он и сам не знал, но чувствовал, что дождь этот совсем не к добру. Придется отложить кучу дел. Каких? Да кто ж его знает каких, но в том, что дела всегда найдутся, Федька не сомневался ни на секунду. Вон, того и гляди, Колька на своем доживающем век велосипеде примчится, потом Петька заявится, малышня всякая подвалит... Вот уж веселье пойдет, пацаны соберутся, в картиш-

ки перекинутся, анекдоты свеженькие расскажут... А тут! Федька поежился, опять смачно сплюнул и вразвалочку двинулся к длинной, насквозь промокшей скамейке.

– Надо же! Вот дождь дурацкий! Не везет...

Он вздохнул. Все. Вечер испорчен.

Федька взглянул на древнюю скамейку:

– Ишь, раскисла вся. Точно размазня. Да ладно, наплевать...

Он плюхнулся на мокрые холодные доски и с отвращением почувствовал, как сырость скамейки, проникнув сквозь ветхое нижнее бельешко, добралась до его худого тела. Но деваться уже было некуда, да и все эти «бабские» тонкости и штучки не очень волновали Федьку, ему, настоящему мужику, все эти мелочи казались нелепыми и смешными.

Сидя на скамейке, парнишка огляделся:

– Да, скукота... Хоть бы пацаны скорей выходили.

К подъезду, прихрамывая, подошла тетка с пятого этажа.

Недовольно взглянув на парнишку, азартно жующего жвачку, она сердито дернула на себя входную дверь, но не выдержала и, чтоб самой не захлебнуться, плеснула-таки ему в лицо своей злобой:

– Эй ты, отморозок! Чего расселся здесь, шантрапа? Шел бы уроки учил... Вот шпана! Ты смотри, так и околачивается здесь, так и шныряет глазами, так и шныряет! Бить тебя некому!

Федька, не ожидавший, в общем-то, ничего хорошего и

уже привыкший к тумакам и оскорблениям, все же сейчас не выдержал:

– Отвали ты, жирная скотина...

Соседка же, очень довольная своим удачным, на ее взгляд, выпадом, уже спокойно, не обращая внимания на его ответ, вошла в подъезд, горделиво улыбаясь, а Федька, сморщившись, тоскливо вздохнул:

– Эх... Не жизнь, а дрянь какая-то!

Хотелось как-то поразвлечься. Потешиться, как говаривала когда-то баба Стеша. Да, жаль ее, померла почитай, уж как года три. Жаль... Любила она Федьку, жалела, подкармливала, на праздники денежку давала. Немного, конечно, но все же... Федор, вспомнив ее, еще больше загрустил. Смахнув скатившуюся по грязной щеке слезу, он хлюпнул носом, сжал ладони в кулаки и посмотрел куда-то в сторону, словно хотел где-то там, в сырой, серой дали, увидеть ее, бабу Стешу, сутулую, седую, ласковую.

...Федька родился в нормальной, как поначалу казалось докучливым соседям, семье. А что? Все как у всех: мамка – санитарка в городской больнице, отец – слесарь на заводе. Жили, как говорится, слава богу, не тужили... Мамка им попалась такая веселая, сноровистая, легкая – все везде успевала: и гладила, и пекла, и шила по ночам. И все с песней! А какая она была красавица! А как улыбалась! Федька изо всех сил зажмурился и попытался представить себе мамину улыбку. Выходило плохо, память отчего-то прятала что-то

самое важное, оставляя парнишке только светлое ощущение чего-то теплого, доброго и очень любимого. Он открыл глаза и отчаянно сглотнул ком, вставший в горле. «Мужики не плачут», – пробормотал он и крепко сцепил зубы.

Отец все время работал. Высокий, сильный, чернявый, он приходил по вечерам, и с его появлением мамин смех звучал громче, а улыбка ее сияла еще ярче, освещая их небольшую квартирку. Сколько длилось их беззаботное счастье, Федор теперь не помнил, да и какая разница? Горе оно и есть горе, когда бы ни пришло...

Все рухнуло в одну минуту.

Отец, ушедший утром на завод, вечером не вернулся. А днем все надсадно ревел и ревел заводской гудок, оповещая окрестности и обывателей о страшном несчастье.

Побросав все дела, люди, с искаженными от страха лицами, со всех ног бежали к заводскому главному входу, и страшась, и галдя одновременно. Бабы, толпясь у главного входа, всполошенно оглядывались, взволнованно перешептывались. Но от горя не скрыться, не загородиться, не убежать... Авария унесла тогда много жизней. Федькин отец погиб сразу, спасая заводское добро. Станки остались, а отца не спасли. Мамка, как узнала, повалилась без чувств, соседки, воя и толпясь у ее ног, отливали мамку водой. Голосили над ней, причитали как над покойницей. А она как очнулась, так и стала вроде покойницы: все понимала, все по-прежнему умела, но жить не хотела. Какие уж тут песни? Да-

же на работу ходить не могла поначалу, все лежала в постели, рыдала до судорог, все звала отца да жаловалась кому-то неизвестному на свою горькую судьбинушку. А дальше – еще хуже... Все пошло кувырком. Мамка работу бросила, стала подъезд мыть, начала горе свое вином заливать. Сперва то рюмку, то две, украдкой, исподтишка, чтоб сын не видел, а уж потом по полбутылки сразу выпивать стала, пристрастилась... Прятаться перестала, до целой бутылки добралась.

– Эх, – Федька всей пятерней почесал давно не мытую голову. Взъерошив спутанные волосы, он даже и не пытался их пригладить. Подумаешь! Что он девчонка, чтобы красоту наводить, и так сойдет!

Парнишка вздохнул и сплюнул. Так они и живут теперь.

Мамка пьет, буянит, иногда плачет, горько и безутешно. А Федька... Он, жалея ее, горемычную, сам иногда выходит в холодный и грязный подъезд и моет стертые ступеньки лестницы. Иногда, проспавшись, мать прижимает его к себе и, покрывая поцелуями голову и лицо сына, все просит и просит у него прощения. За что? Федька не понимал, да и не хотел понимать... В такие минуты они просто крепко обнимались и плакали.

Федька школу уже два раза бросал. А чего там делать? Только и слышишь: «Лентяй да олух! Пороть тебя некому... Лоботряс!»

В общем, хотел убежать куда-нибудь, например на Северный полюс, да мамку жалко. Ведь совсем сопьется без него!

Пропадет!

Федор засопел и мечтательно прикрыл глаза:

«Эх, если б можно было мамку вернуть... Ну, чтоб она стала такой, какой раньше была! Смеялась, пироги пекла, песни пела...»

Робкая слезинка выкатилась из его глаза и, оставляя еле заметную прозрачную дорожку, несмело покатила по детской щеке. Парнишка хлюпнул носом и проговорил вслух, словно убеждая самого себя:

– Ничего, вот подрасту и вылечу мамку! Обязательно вылечу!

Вечерело.

Сырой и прохладный воздух делал свое дело. Федька замерз и, чуть поежившись, решил идти домой: надо картошки начистить да поставить варить, а то мамка проснется – кричать станет.

Федор встал и уже было собрался войти в подъезд, как его внимание привлекла сгорбленная низенькая фигурка, осторожнодвигающаяся по размытому тротуару. Невысокая, одетая в темное бабулечка медленно перебирала ногами, чуть покачиваясь при каждом шажке и наклоняясь вперед. Парнишка, сдвинув брови, взлохматил и без того всклокоченные волосы:

– И куда идет в такую погоду?! Ведь грохнется! Как пить дать – упадет...

Он еще постоял, недовольно покачивая головой, а потом

решительно махнул рукой и зашагал прямо через огромные лужи к крохотной старушонке, неуверенно шагающей по скользкой дорожке.

– Эй, стой! Стой, тебе говорю!

Старушка испуганно подняла глаза на него:

– Чего тебе? Иди своей дорогой.

– «Иди-иди», – сердито передразнил ее Федька. – Куда прешь-то? Упадешь ведь в лужу.

Бабушка, тяжело дыша, удивленно взглянула на него:

– Что ж делать-то? Жить-то надо... Вот за хлебом ходила.

Федька задумался, постоял мгновение и резко протянул ей руку:

– Держись за меня... переведу тебя через грязь. А то давай до дома тебя провожу, ты где живешь?

Бабушка, еще не веря своим ушам, изумленно всплеснула крохотными ручонками, изъеденными безжалостными морщинами:

– Боже праведный! Неужто теперь такое бывает? Ах ты, детка моя!

Она чуть выпрямилась, подалась вперед и, вытянув дрожащую руку, погладила Федора по давно не мытой голове:

– Ах ты, внучок... Золотой мой! Душа у тебя чистая...

Он смущенно отвернулся, нахмурился, чтобы спрятать счастливую улыбку, и взял у нее пакет с хлебом.

Они осторожно двигались по залитой дождем улице.

Лучисто улыбаясь, спокойно и умиротворенно шагала

старушка, держась, как маленькая, за руку Федора.

А Федька...

Шел по лужам и улыбался миру настоящий человек. Чистая душа. Федька.

И счастье будет...

День начинался бурно и суетливо.

С утра хлестал холодный, колючий и очень надоедливый дождь. Он бездушно и как-то тоскливо-обреченно барабанил по стеклам, собираясь на почерневшем от влаги асфальте в огромные бесформенные лужи.

Осень, вместо давно привычной – солнечной, золотобагряной поры, в этом году вдруг оказалась плачущей, капризной и бездушной. И то сказать, почти ежедневно моросил противный бесконечный дождь, заливающийся за воротники и делающий обувь сырой и неудобной. По улицам нескончаемым потоком плыли разноцветные зонты, хоть как-то разнообразившие ужасающую серость дождливого дня.

Гришка сидел дома за столом и бесцельно водил простым карандашом по листочку в клетку, выдранному из обычной школьной тетрадки. Ему было скучно и тоскливо. А чего, собственно, радоваться? Отец уехал в командировку, мама все время на работе, Танька, старшая сестра, вечно болтающая по телефону, зубрит историю, у нее, видишь ли, завтра то ли контрольная, то ли зачет!

Гришка вздохнул: «Эх, скорее бы вечер...»

Что случится вечером, он и сам не знал, но отчего-то был уверен, что вечером непременно станет веселее.

Мама вернулась внезапно.

Так всегда бывает: ты ждешь-ждешь чего-нибудь, но именно в самый важный момент вдруг отвлечешься на что-то незначительное и пропустишь то, чего так нетерпеливо ждал весь день с самого утра.

Услышав, как в прихожей хлопнула дверь, Гришка опрометью кинулся туда, сшибая на пути стулья. Мама, промокшая и отчего-то пахнущая жухлой травой, аккуратно снимала сырые туфли, стараясь не наследить на чистом полу. Гришка, увидев ее, широко раскинул руки и ринулся к ней, закрыв глаза. Ему вдруг показалось, что он не видел маму целую вечность или даже больше. Однако мама его порыв не оценила:

– Эй-эй! Милый, постой, постой... Я вся промокла! Испачкаешься!

Она осторожно отстранила его, раскрыла зонтик и, поставив его сушиться на пол, подошла, улыбаясь, к сыну:

– Ну, вот теперь – здравствуй, сынок! Как дела?

Гришка пожал плечами и засопел носом:

– Никак... Скучно.

– Вот тебе раз, – мама опять светло улыбнулась и развела руками, – что ж, милый, тебе и заняться нечем?

– Нечем! – Гришка сердито насупился. – Танька все по телефону болтает, все время «алло да алло!», ты на работе, папа уехал... Тоска!

Мама весело рассмеялась:

– А ты знаешь что? Ты найди себе дело по сердцу, вот тебе

и счастье будет! Вот увидишь, ты попробуй!

– Счастье? – Гришка озадаченно нахмурился. – Как это? Как это, счастье будет?

Мама развела руками и пожала плечами:

– Счастье? Так, сынок, бывает...

Она на мгновение задумалась, словно подбирая нужные слова:

– Понимаешь, если очень-очень долго чего-то ждешь, то, когда получаешь, счастье и наступает.

Гришка удивился:

– Точно?

– Ах ты, Фома неверующий... – усмехнулась мама. – Хотя кто его знает, может быть, не совсем так, но мне так кажется. Счастье – это здорово!

Гриша посерьезнел:

– Да? А какое оно, это твоё счастье?

Мама ласково потрепала сына по кудрявой голове:

– Счастье? Мне кажется, что каждый человек хотя бы раз в жизни испытывал это чувство... Трудно сказать, какое оно! Знаешь, как будто душа поет, сердце выскакивает из груди, хочется прыгать от радости, орать что-то во все горло...

– Да? – Гришка удивленно хмыкнул. – Ничего себе! Это всегда так?

– Нет, – мама покачала головой и обняла его. – Не всегда, милый. Счастье – оно разное, потому и описать его трудно. Иногда оно тихое... Хочется спрятаться куда-нибудь и по-

молчать, прислушаться к себе, своему сердцу. А иногда плакать хочется от счастья – так переполняют тебя эмоции, что слезы льются ручьем. И это тоже счастье... Понятно?

– Угу, – мальчишка замолчал на минутку, словно переваривая только что услышанное, а потом нетерпеливо поднял голову и придирчиво взглянул на мать, которая, уже отправилась на кухню готовить ужин. – А когда?

– Что когда? – мама рассмеялась. – Это о чем ты спрашиваешь, а?

– А чего сразу смеешься? – рассердился Гришка. – Сама же сказала, что «счастье будет», вот и хочу понять, где и когда его искать.

Мама не успела ответить, потому что на кухню вошла дочь Татьяна. Гришка, увидев ее, насупился: «Вот противная, вечно не вовремя, сейчас воспитывать начнет, корчит из себя взрослую!»

И точно, заметив младшего братишку, Татьяна насмешливо хмыкнула:

– Ой, и он здесь... Мамуль, ну чего ты разрешаешь ему здесь болтаться? Он же мальчишка! Пусть пойдет порисует или полепит, пластилин же новый вчера купили.

– Ну вот, опять! – Гришка даже расстроился. – Отстань ты, Танька!

Не выдержав ее вечных придирок, он грозно замахнулся на сестру кулаком.

Мама, увидев это, замерла на секунду и, пораженная злым

выражением его лица, сурово взглянула на сына:

– Ого! Так вот какой ты герой?! Это что, сынок? Где ж ты научился на девочку руку поднимать?!

Гриша, огорченный донельзя и маминым замечанием, и своей несдержанностью, и хихиканьем противной Таньки, нахмурился и отчаянно шмыгнул носом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.